

funktsiy cheloveka. Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2012;1:20-4. Russian.

20. Filatov MA, Filatova DYu, Sidorkina DA, Nekhaychik SM. Identifikatsiya parametrov poryadka v psikhofiziologii. Slozhnost'. Razum. Postneklas-

sika. 2014;2:4-13. Russian.

21. Khadartsev AA, Filatova OE, Dzhumagaliyeva LB, Gudkova SA. Ponyatie trekh global'nykh paradigm v nauke i sotsiumakh. Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2013;3:35-45. Russian.

DOI: 10.12737/18814

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ МАКРО-КОНСТРУКТЫ

Е.Г. КАМЕНСКИЙ

*ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ),
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск, Курская область, Россия, 305040*

Аннотация. В статье представлено авторское видение базовых характеристик социокультурного контекста развития новейших технологий в современном мире. Основными аспектами этого контекстуального поля выступают состояния социальных институтов, идеологии и социальных мифов в условиях институциональной конкуренции. Доказывается, что современные конвергентные технологии помимо статуса научно-технического продукта имеют собственный социально-духовный статус в обществе как идеологема технократизма. Выступая конъюнктурной темой современной идеологии, проблема технологического прорыва используется институциональными субъектами в своих интересах, фетишизируется и легитимирует их властные притязания. Например, актуальность осмысления всей сложности социальных аспектов *NBIC*-технологий подтверждается все чаще используемым в ее аббревиатуре дополнением "S": *NBICS*. Исследование проведено на основании методологических императивов, заложенных Г. Хакеном, В.С. Степиным, К. Майнцером, В.Г. Будановым, и другими представителями теории сложности.

Ключевые слова: конвергентные технологии, социология техники, социальные контексты техники, научно-технический прогресс, социальные институты, идеология, социальные мифы

SOCIAL CONTEXT OF THE DEVELOPMENT PROCESS: GENERAL MACRO CONSTRUCTS

E.G. KAMENSKY

"Southwestern State University" (SWSU), Str. 50 October, d. 94, Kursk, Kursk region, Russia, 305040

Abstract. The article presents the author's vision of the basic characteristics of the socio-cultural context of the development of new technologies in the modern world. The main aspects of this field are the contextual condition of social institutions, ideology and social myths in terms of institutional competition. It is proved that modern convergent technologies in addition to the status of scientific and technological products have their own social and spiritual status in society as a ideologem technocracy. Addressing the theme of the modern ideology of the Market, the problem of technological breakthrough is used by institutional actors in their own interests, fetish and legitimize their power claims. For example, understanding the relevance of the whole complexity of the social aspects of the *NBIC*-technologies supported are increasingly used to complement its abbreviation "S": *NBICS*. The study was conducted on the basis of methodological imperatives laid G. Haken, V.S. Stepin, K. Mainzer, V.G. Budanov, and other representatives of complexity theory.

Key words: converging technologies, the sociology of art, social contexts of technology, scientific and technological progress, social institutions, ideology, social myths.

Технико-технологическое развитие общества, особенно проблема *NBIC*-конвергенции, как конъюнктурная тема поощряет обращаться к ней максимально широкий в дисциплинарной принадлежности гуманитаристики круг исследователей, заполняющих научно-ориентированное медийное пространство типичными декларативно-констатирующими заявлениями в виде статей, устных выступлений и аналогичных формах. Однако, сколько-нибудь уникально-содержательные, особенно практико-ориентированные или хотя бы эмпирически обоснованные исследования единичны в отношении к общему объему репрезентации этой темы в коммуникативном обмене научного сообщества как внутри себя, так и с «внешней» средой [1,2,4].

Данная ситуация иллюстрирует определенный отрыв этой проблематики от живого социального контекста, представляющего собой, тем не менее, сложную в структурно-функциональном и ценностно-нормативном отношении среду производства и потребления технологических инноваций как объекта, с учетом многоаспектности и его собственной репрезентации, иллюстрируемой широким обсуждением в медийном пространстве не только науки, но и политики, экономики, повседневных практик. Важно здесь то, что в фокусе общественного внимания находятся проблемы социогуманитарных следствий общей проблемы конвергенции технологий, а вопросы социально-причинных факторов их возникновения, существования и развития с контекстуальных позиций состояния социокультурной среды выпадают из него. Между тем *hi-tech*, в общем, и *NBIC*-технологии, в частности, являются таким же продуктом духовной и материальной культуры общества, как и иные мировоззренческие и вещественные объекты, произведенные человечеством [1-3,5-7].

С учетом этого, одной из центральных проблем нашего исследования мы видим неполное понимание в современном научном диалоге социокультурного контекста развития новейших технологий, в первую очередь его ценностно-нормативных, регулятивно-ориентирующих аспектов. То есть

совокупности реальных социальных условий того или иного общественно-культурного масштаба. Подобные характеристики, безусловно, амбивалентны в отношении процесса развития техногенного прогресса общества и выходят далеко за пределы проблем его социальной одобряемости/неодобряемости, принятия/непринятия и аналогичных. Нас интересуют в первую очередь контуры и структура этих контекстов, а также наполняемость референтным в отношении развития высоких технологий содержанием, истинные значения которого, как нам кажется, возможно выявить лишь придерживаясь социологично-ориентированной системной методологии. Это мнение основано, в первую очередь, на том, что понимание реальных механизмов социальных процессов в системе «общество» является предметным ядром именно социологии.

При этом и концептуально-систематизирующий потенциал философского подхода незаменим для отрыва об абстрактного эмпиризма и спекулятивно-умозрительных интерпретаций результатов социологических исследований, что нередко встречается по сей день. При этом сам мысленный эксперимент необходим для решения вопросов об установлении наличия/отсутствия реальных связей между латентными, в эмпирически воспринимаемыми непосредственно или научными социальными-гуманитарными методами, процессами. Развитие подобных аспектов знания, а главное исследовательской методологии, в настоящее время активно развивается в среде прогрессивной части научного сообщества, будучи представленной системными универсалистскими подходами, синергетикой [3,18,19], меметикой [16] и аналогичными, переходящими все более из статуса маргинальных в статус конъюнктурно-одобряемых на фоне массового увлечения меж- и трансдисциплинарностью во всех отраслях социогуманитарных наук. Одним из наиболее фундаментальных и общепризнанных примеров осмысления этих процессов в современной науке являются работы в области постнеклассики В.С. Степина [12,13].

Следовательно, иллюстрируется как минимум две базовых задачи, заключающиеся в необходимости как описания самой проблемы исследования, отраженной в живом социальном контексте, так и в подборе адекватной методологии и отраслевого инструментария этого описания. Масштаб, в котором будет осуществляться само исследование скорее всего будет представлен макро-уровнем в описательном плане, так как наиболее общие идентифицируемые тенденции присутствуют именно в нем, а также мезо-уровнем (в нашем случае институциональным) в аналитическом, потому что обеспечить задуманное результатом, имеющим реальную идентифицированность в социуме возможно лишь «спустившись» в иерархической структуре социокультурной системы от культуро- и социально цементирующих параметров системы к непосредственным локациям их функциональной репрезентации. То есть от управляющих параметров к параметрам порядка. Более низкие уровни соподчинения не будут напрямую входить в предметную область нашей работы, так как степень объективности линейного детерминирования субъектного поведения средовыми факторами в социуме подвергается в настоящее время справедливому сомнению. Причиной этому может служить хотя бы воля человека. Согласно позиции К. Майнца [20], нелинейная динамика может порождать сложные состояния, не прогнозируемые на отдаленный горизонт, то есть наблюдается ограничение вычислимости [1,5-7,18-20].

Кроме того, необходимо подчеркнуть что структурно-функциональный и иные ныне классические подходы не использованы нами в их ортодоксальном отраслевом виде, а адаптируются к оперативным задачам исследования.

Продуктивными в отношении задач исследования нам представляются синергетические, как в методологии, так и в описании онтологии объектов, принципы [1]. В результате будет предпринята попытка построения и иллюстрации системно-параметрической модели социальных контекстов технологической конвергенции.

Успешный пример предложений использования понятия параметров порядка в социологическом аспекте мы находим, например, у Г. Хакена [18,19].

Итак, говоря о высоких технологиях в социологическом аспекте, необходимо попытаться увидеть их через призму базовых элементов социокультурной матрицы. То есть в аспекте ценностно-нормативном. Выступая в отношении общества как «совокупности индивидов» объективно, в виде социальных фактов [13], ценностно-нормативные структуры закрепляются в массовом и индивидуальном сознании как априорные идеологемы, присущие конкретному типу социума на определенной стадии исторического процесса. Исходя из данной установки, мы считаем институционально-идеологическое пространство современного общества тем референтным для исследования заявленной проблемы полем, в котором возможно найти ответы на вопрос об истинном социальном образе, статусе и значении ультра-современных технологий, в первую очередь *NBIC*-проблематики.

То есть затронуть проблему описания того типа социокультурной матрицы, которая сформировалась к настоящему моменту и определяет умонастроения общества в отношении оценки технико-технологического развития и его продуктов в еще более широком масштабе. Этот тип социокультурной ценностно-регулятивной системы все чаще называют «обществом потребления». Сообразно предмету нашей работы необходимо коснуться лишь отдельных, но базовых его характеристик [5,9,12].

По нашему мнению, современная идеологическая ситуация иллюстрирует утилитарно-прагматический, потребительский подход к научно-технической деятельности. Это адекватно отражает весь контекст социокультурной среды современного типа общества, характеризуемого как «общество потребления», основные черты которого обусловлены практикой социальной реализации идеологии постмодерна. Унификация выступает одним из основных следствий такой ситуации, парадоксаль-

ность которой, по мнению М.С. Николаева, заключается в том, что, «провозглашая фундаментальными ценностями индивидуальное развитие, субъективное своеобразие, уникальность личности, этика постмодернизма (потребительская по своему существу) работает на «выравнивание» социокультурных практик, усиливает их однородность» [9].

На основе данного утверждения можно констатировать гомогенную ценностную среду институциональной системы как пространства трансляции унифицированного социокода консьюмеристского содержания. То есть модели потребительских практик, типизируясь как характеристика социокультурной среды, пролонгируются в институциональное развитие всей системы.

Следовательно, происходит саморепликация социокодов культуры потребительства, в первую очередь в отношении институциональных систем не только производящих интеллектуально затратный продукт в контексте процессов социально-экономического воспроизводства, но и сохраняющих и развивающих творческий научно-технический потенциал общества, аккумулируя хотя бы численно в своих структурах его носителей. Под элементами этой общей структуры должны пониматься не только статусные, ролевые или институциональные образования соответствующих подструктур социума, но и наполняющие их ценностно-нормативные и потребностно-мотивационные содержания, локализованные на уровне субъекта (индивида). Иными словами, в этих локусах формируется творческая, креативная, инновационная и аналогично операционализируемая в современном научном аппарате [1-3,5,7], сущность личности.

Таким образом, через имитационные практики воспроизводится консервативная, а не прогрессивная социальная структура, основанная на такой ее статусной единице как «неквалифицированный потребитель», а также результатах их конгломерации в социально-профессиональных структурах социального взаимодействия общества с характерными для них ценностно-нормативными и поведенческими матрица-

ми. Именно на подобные человеческие ресурсы ложится бремя и производства, и потребления, а главное социальной оценки и планирования развития ультрасовременных, в первую очередь *NBICS*-технологий. Аббревиатура «S» в этом случае может претендовать лишь на иллюстрацию необходимого, но далеко не обязательно выполнимого в нынешней ситуации, осмысления социокультурных причин, условий и последствий современного состояния авангардных направлений *научно-технического прогресса* (НТП). В этом случае дополнение «S» в формуле *NBICS*-технологий является скорее очередной легитимацией либо политического инструментального подхода к научно-техническому творчеству в геополитической борьбе и внутренней политике, либо претензий научного сообщества (например, гуманитариев) на первенство в осмыслении всей сложности последствий создания и реализации подобных технологий, либо целей ряда около-политических общественных структур в отношении политически или экономически окрашенных притязаний на повышение статуса, или же всех этих приоритетов сразу. В этом случае именно имитационность и симуляция в творческой (в том числе и научной), производственной, политической и иной деятельности вплоть до повседневных бытовых практик являются определяющими процесс унификации подхода к организации любого вида деятельности по аналогии с иными социальными практиками общества потребления характеристиками, содержательно-смысловое наполнение которых более не связано с их реальной социальной ценностью.

Однако можно представить и несколько иное понимание «S» в аббревиатуре новейших конвергентных технологий. Здесь нужно вспомнить, что конвергенция означая сближение, интеграцию может пониматься и в социальном смысле. В этом случае можно попытаться увидеть конвергентные тенденции в самом социокультурном пространстве, в своих механизмах аналогичные распространяющемуся в научно-производственной среде универсализму и иным новейшим методологиям. Однако в

социуме подобные аналогии заключаются далеко не только в формировании структур гражданского общества. Они проявляются и в унификации культурных матриц и форм духовной и социальной активности, где термин «общество потребления» вновь выступает удачной характеристикой этих состояний [12,13,15].

Одним из ярких примеров подобной «конвергенции» является так называемая макдональдизация [11]. Она проявляется в унификации социальных форм управления онтологически разными средами через реализацию друкеровских [4] принципов эффективного менеджмента. Подобное только и возможно в унифицированной среде, иначе эти инструменты управления не будут работать. Алгоритмико-подобная организация сфер производства-потребления не только по содержанию, но и по социокультурным формам через формирование и трансляцию соответствующих социокодов обеспечивает гомогенные, типично организованные в ценностно-нормативном плане структуры социума во всех сферах общественной жизни. В число последних входят и сферы научно-технического творчества, профессионального образования, интеллектуального досуга.

В данном случае удачным мы считаем мнение М.С. Николаева, утверждающего, что «...предметы культуры потребления характеризуются не своим непосредственным назначением (в этом отношении они могут быть бесполезны), а знаковой функцией. Благодаря ей обладатель той или иной вещи может заявлять о своей принадлежности к определенному социальному слою. Гомогенизация социально-культурных практик под знаком потребительства, в основе которого лежат единые стандарты поведения, рождает все большее количество людей, чьи реальные возможности, опыт и социальное окружение находятся в состоянии антиномии с желаемым положением и с их притязаниями» [9]. Приведенная позиция служит аргументом в пользу признания факта о формировании такого типа личности как «неквалифицированный потребитель», где присвоение какого-либо статуса, в том числе «технократа», вы-

ступает символической формой достижения определенных этапов мобильности (в первую очередь, горизонтальной) через симуляцию статуса посредством имитационных практик в системе массовых коммуникаций и иных взаимодействий. В данном случае речь не идет о полной симуляции процесса, а акцентирует все более увеличивающийся масштаб этих явлений. Атрибутивный статус потребляемого высокотехнологического продукта выполняет роль идентификационных критериев субъекта-потребителя в социальных взаимодействиях.

Наиболее важным следствием из сложившейся ситуации выступает превращение техносферы на уровне массового сознания исключительно в объект потребления, определенный легитимирующий статус личности символ, идентификационный признак идеологии «причастности» субъекта к массовым процессам потребления определенного комплекса обязательных атрибутов. Именно это является ключевым, фундаментальным фактом в понимании механизмов репликации легитимирующих разрушение творчески-интеллектуальных аспектов процесса создания новейших технологий идеологием, так как отражает масштаб выхолащивания содержания научно-технического творчества в современный период, где его формальное аномичное регулятивное пространство наполняется адаптивными потребительскими моделями [10,11,15].

Опять же, М.С. Николаев отмечает: «В современном обществе сформировался огромный ресурс репликации потребительства – ценностно пустой социально-культурной практики, превращающей человека-консьюмера в объект, заслоняющей от него подлинно человеческое бытие» [9]. Следовательно, реплицируя символическую ценность технико-технологических продуктов, реплицируется и социальная практика, а также ее ценностно-нормативное содержание, направленные на достижение искомого символического статуса посредством симуляции истинной сопричастности достижениям НТП. В данном случае идеологема реальной социально-практической, стратегической цели созда-

ния конвергентных технологий, их творчески-прогрессивной (или же иной, кроме потребительски значимой) роли в социальной и индивидуальной биографии продолжают сохраняться, но содержательно отличны от традиционных смыслов интеллектуального труда. В первую очередь имеется ввиду символически-потребительская, идентификационно-статусная, а не духовно-гуманитарная его ценность.

По нашему мнению, мифологические паттерны национального архетипа определяют и столь низкий уровень эффективности научно-технической политики, скептические настроения населения в отношении идеологем «технологического прорыва» в политических декларациях. Например, Б. Пойзнер и Э. Соснин [10], рассматривая русские традиции «исправления мира», отмечая возможность смены базового российского архетипа, тем не менее подчеркивают ее гипотетичность. Одним из оснований реализации такого сценария они, опираясь на М. Вебера, считают десакрализацию мира [10]. Однако, мы необходимо должны учитывать устойчивую российскую традицию сакрализации власти и патернализма. Приведем частный пример социологической эмпирики в отношении российской студенческой молодежи как представителей кадрового потенциала страны: «Студентов с такими предпочтениями конкретных личностных качеств лидера государства, которые можно классифицировать как патерналистские, выявлено 3/4. Они хотят видеть у власти «царя-батюшку» и «отца нации». По их мнению, лидер несет ответственность за народ и в случае сложных обстоятельств вводит «ручное управление». Студентов с патерналистской установкой (по их ожиданиям помощи от государства в чрезвычайных ситуациях) выявлено 88,4%; 89% студентов имеют условно патерналистские ожидания от государства в ситуациях экономических кризисов. Они надеются на опеку – как социальную, так и материальную. Они хотят видеть государство, которое опекает частный бизнес и поддерживает его в тяжелых ситуациях» [8].

Применительно к проблемам создания новейших технологий как продукта научно-

технического творчества, мы можем наблюдать сакрально-патерналистские идеологемы социально-профессионального взаимодействия. Сакрализация власти в научной среде присутствует на всех уровнях ее иерархической структуры. В частности, проводимые мероприятия по реформированию принципов организации науки без реального учета мнения профессионального сообщества ученых и академической администрации, несмотря на формально проводимые встречи работников и высшего руководства системы на заседаниях правительственных структур. Аналогичные процессы наблюдаются и в системе высшего образования. Традиционные для трудового договора преподавателя вуза формулировки в отношении свободы его выбора относительно форм и методов педагогической работы со студентами нивелируются федеральными и локальными нормативами, закрепляющими жесткие, но нередко нормативно противоречивые бюрократические процедуры ее осуществления. Подобных примеров можно привести достаточно большое количество. Все они подтверждают устойчивые традиции сакрализации власти, носящие вследствие этого коррупциогенный характер, так как любые закрытые процедуры, не требующие своего законного обоснования, позволяют манипулировать способами реализации властных функций субъектов управления.

С учетом этого очевидно, что большинство прогрессивных технологических разработок в сложившихся условиях завершаются еще на стадии научной инициативы, так как практически закрыты институциональные каналы финансирования и административно-организационного обеспечения фундаментальных и прикладных исследований как основного фактора технологического прорыва. Остается лишь идеологический фон, наполненный соответствующими декларациями. Реальная же деятельность по обеспечению принципов открытости экспертизы, доступности к финансированию большого числа гуманитарных разработок в структуре НИР, построения логичной и поддающейся оценке хотя бы с позиции ответственности системы критериев отбора науч-

ных инициатив официальным приоритетам развития технико-технологического комплекса, носит имитационно-симулятивный характер. В этом случае и *S*-дополнение в аббревиатуре *NBIC* воспринимается как симуляция смыслов самих конвергентных технологий, и лишь в лучшем случае как попытка акцентуации необходимости социогуманитарной экспертизы со стороны обеспокоенного судьбой человечества научного сообщества, то есть как некий философско-интеллектуальный пафос, возможно также выступающий формой легитимации корыстных интересов менеджеров от науки «кормиться» от конъюнктурной темы. Безусловно, подобные характеристики не могут быть распространены на все мировое научное сообщество, однако в условиях подобного рода контекстуальных характеристик среды это выглядит весьма достоверным в широких масштабах, не взирая на аргументы о существовании моды в науке во все времена [13-17].

В результате этих процессов ценностно-нормативные контексты структурно-функционального институционального конструкта социума типизируются, упрощая для власти процесс управления. В этом случае политический институт получает монополию в формировании ценностно-нормативной матрицы институциональной структуры общества, унифицируя ее. Все более сближая в русле потребительской идеологии институциональные пространства, в которых происходит технико-технологическое творчество и пространства социализации личности, формируется единая идеологическая среда науки, производства, образования. Следовательно все они, какие-то напрямую, какие-то опосредованно, участвуя в определенном виде социализации, формируют единообразную матрицу индивидуального и группового сознания.

Учитывая вышеизложенное, необходимо конкретизировать то, что в выбранном контексте конвергентные технологии представляет собой не столько апогей современной науки, сколько коммерческий продукт, заключающей в себе мощные ресурсы институциональной, идеологической и геополитической доминации соответст-

вующих субъектов. Поскольку ученые-разработчики и профессионалы производственного сектора являются основными субъектами создания и реализации подобных технологий, то логично предполагать наличие с их стороны претензий на первоочередность в определении смыслов и направлений их использования. Как было указано выше, одной из тенденций, подтверждающих это является распространение аргументации в пользу гуманитарной экспертизы техносреды, делегируя оценочные функции еще шире научного сообщества. В условиях институциональной конкуренции допустить этого со стороны политических и иных институциональных субъектов невозможно. Вероятно по этой же причине трансформируется и образовательный сектор, формирующий исследователей и отраслевых специалистов-практиков. Тем самым происходит их отчуждение от продуктов своего труда уже на идеологическом уровне, что гораздо менее затратно и бесконфликтно, нежели открытое противостояние. Иными словами, формируется упомянутый выше определенный тип личности. Насколько сознательно направленным со стороны заинтересованных субъектов является такой процесс мы сказать затрудняемся, однако наличие подобных эффектов, вне зависимости от этого, очевидно.

Заканчивая оформление общих контуров своих представлений о состоянии социальных контекстов развития новейших технологий, мы считаем необходимым сформировать наиболее общую теоретическую модель, являющуюся концептуальным выводом к проделанной работе. Для этого мы будем опираться также и на конструкты ряда авторов, в первую очередь Ф.Э. Шереги, чья гносеологическая модель (рис. 1) может служить концептуальным обобщением изложенных выше соображений [15].

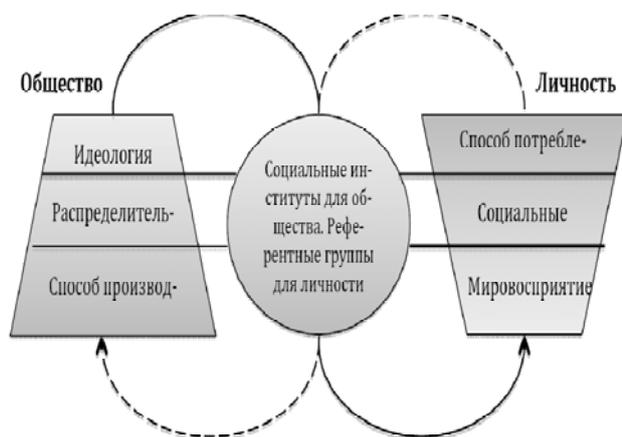

Рис. 1. Статическая структурная модель взаимодействия общества и личности

К данному рисунку Ф.Э. Шереги [15] дает следующую интерпретацию: «Способ производства определяет характер распределительных отношений, а последние – вид оправдывающей их идеологии. Идеологией общественная пирамида завершается и начинается социализация личности. Идеология формирует мировосприятие личности, включая идеалы, ценности, мировоззрение, составляющие мотивационную основу межличностной коммуникации в референтных группах (контактных и корпоративных). Характер коммуникации личности в референтных и нормативных группах интегрируется в некий образ жизни, в целом идентичный способу, каким личность потребляет. Способ потребления личности определяет характер развития производства, тем самым стимулируя или тормозя развитие производительных сил, что влияет на характер распределительных отношений и на содержание идеологии. Это – круговорот, «коленчатым валом» которого являются на уровне общества социальные институты, а на уровне личности – референтные группы» [15].

Если применить данную модель к описанным контекстам общества потребления и вульгарного капитализма и соответствующим данному типу общественных отношений институционально-идеологическим особенностям, возможно видеть циклически-алгоритмическую циркуляцию ценностно-нормативного содержания социокультурной среды в системе «личность – институты – общество», где первые, вторые и третьи находятся в отно-

шениях круговой причинности, с каждым новым уровнем циклической спирали укрепляющих существующую идеологическую форму таких отношений. Эту форму можно называть технократическим либеральным капитализмом.

Также Ф.Э. Шереги приводит структурированную по критерию принадлежности к социально-экономическим формациям типологию личности (табл. 1) [15].

Таблица 1

Типы личности по социально-экономическим формациям

Ценностные мотивации	Общественно-экономические формации				
	Первобытная	Рабовладельческая	Феодальная	Капиталистическая	Коммунистическая
Способ потребления	Потребительный	Экономный	Расточительный	Накопительный	Рациональный
Характер межличностных отношений	Отчужденный	Этический	Гедонистический	Индивидуалистический	Экологический
Мировосприятие	Тотемизм	Мифология	Религия	Идеология	Наука

В условиях сложившихся типов общественных отношений в контекстуальном пространстве общества потребления базовым типом общественного устройства может очевидно признаваться капиталистическая формация, каких-либо реальных массовых эмпирических иллюстраций перехода к рационально-экологическим научным формам не наблюдается. В современном обществе экологический подход открыто противопоставляется технократизму общества потребления. Приоритет экологического типа потребления существуют лишь в виде идеологем, что подтверждает ведущую роль идеологии в наполнении ценностно-нормативного пространства социокультурной системы и ее социально-ориентирующий приоритет перед иными типами мировоззрения. С учетом этого, на основании предложенной Ф.Э. Шереги типологии и описанных нами выше базовых характеристик контекстуального пространства технико-технологического развития,

возможно построить схематическую модель, позволяющую визуализировать перспективный вектор тенденций развития этих контекстов: способа потребления, характера межличностных отношений и мировосприятия (табл. 2).

Таблица 2

Вероятностный прогноз развития базовых характеристик личности в контексте общества потребления

Ценностные мотивации	Общественно-экономические формации			
	Современность	Постиндустриальность		
	Капиталистическая	Тенденция		
Способ потребления	Накопительный	→		Накопительство
Характер межличностных отношений	Индивидуалистический	Гедонистический	→	Гедонизм
Мировосприятие	Идеология	Религия	Мифология	→ Мифология

приведенной теоретической модели. Тогда коммунистическая формация наиболее полно отвечает реальным ценностям технократизма и меритократии как инструментов социальной политики. Вероятно это дает основания для пересмотра ортодоксальных социал-коммунистических идеологем и методов реформирования социально-политического устройства общества в новых, неучтенных ранее аспектах, но данный вопрос не относится к нашей компетенции и интерес наш чисто научный, а не политико-конъюнктурный. Так или иначе, но данный тип общества до сих пор остается утопичной мечтой человечества, и имеет большое число названий, если раздражающий термин «коммунистическая» не устраивает исследователя по соображениям политкорректности. Это не имеет ровно никакого содержательного значения. С учетом реальной ситуации, современный вероятностный прогноз развития базового типа общественного субъекта выглядит социокультурно-регрессивным в историко-хронологической перспективе. При визуализации тенденций на рис. 2 иллюстрируется регрессивный антропосоциогенез, как бы обратное развитие, то есть архаизация.

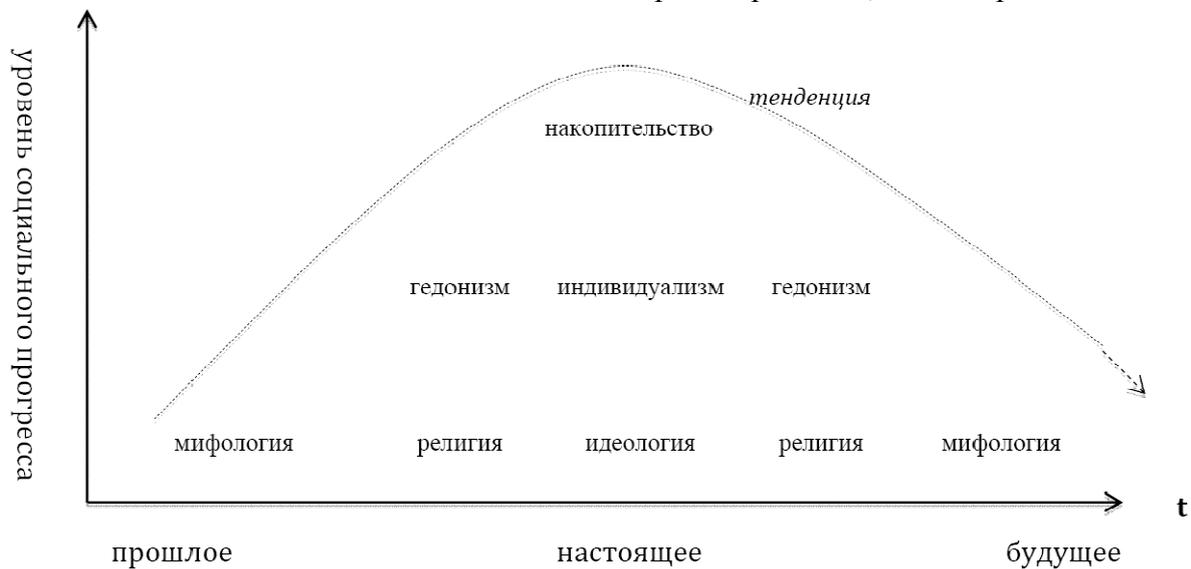

Рис. 2. Тенденции архаизации в социальном развитии

Здесь мы наблюдаем тенденции архаизации в контексте существующей псевдо-меритократической ориентации технократизма, при этом черты экологического и близких ему подходов иллюстрируют регрессивную динамику, по крайней мере в

При условии того, что формационная динамика традиционно признается прогрессивной в развитии человеческого общества, современное капиталистическое общество потребления является апогеем этого развития в его историко-

эмпирической данности на сегодняшний день. Техничко-технологический прогресс является неизменным спутником этого развития, нередко его базовой детерминантой, достаточно вспомнить тоффлеровскую модель цивилизационной динамики от аграрной, через индустриальную к постиндустриальной. Именно индустриализация, основанная на машинном производстве ознаменовала апогей научно-технического прогресса. Кроме того, именно техногенный тип цивилизации является ведущим на протяжении более чем двух тысячелетий, зарождающаяся еще в древнегреческом рационализме. Следовательно, в представленной модели, капиталистическая «пирамида» является вершиной прогресса современного общества на данный момент исторического времени. Все же остальные можно признать архаикой по отношению к ней. В этом случае повторение элементов в будущем иллюстрирует регрессивное развитие, архаизацию. Выступая базовыми, такие характеристики социокультурной среды будут справедливы для массового уровня, иначе бы они не могли считаться социально-типичными.

стиндустриального мира на меритократических основаниях. И это еще один из самых благоприятных прогнозов, так как не предполагает полной деградации общества. Меритократия безусловно предполагает научно-технический прогресс, определяющий и прогресс социальный хотя бы в каком-то его виде [5,12,13,17].

Вне зависимости от оценки той или иной формации, или как-либо иначе понимаемого типа общественного устройства, как наиболее прогрессивного, мы считаем возможным на представленном теоретическом базисе сформировать авторскую модель, результирующую нашу работу (рис. 3).

Представим следующие пояснения к этой модели.

S-аспект понимается не просто широко как «социальный», а, в первую очередь, как социальный статус, или, если точнее, идеологический статус. S-аспект многомерен, но в макро-масштабе проявляется в указанных ниже трех основных статусах, при условии принятия во внимание нулевого (или Z) статуса. Вариации статусной репрезентации могут быть разнообразны и требуют построения мезо- и микро-масштабных моделей в сопряжении с локальными задачами (на уровне институциональных и иных номинальных метасубъектов, вплоть до метаперсонализации на групповом уровне). В указанных локус-масштабах непосредственно реализуются процессы идеологической конкуренции и репрезентируется многообразие форм их следствий. Кроме того, данная модель может считаться универсальной в отношении любого социально-конъюнктурного объекта. Следовательно, наряду с «патриотизмом» и подобными, NBIC-тематика занимает свое место в ряду референтных социальных идеологем.

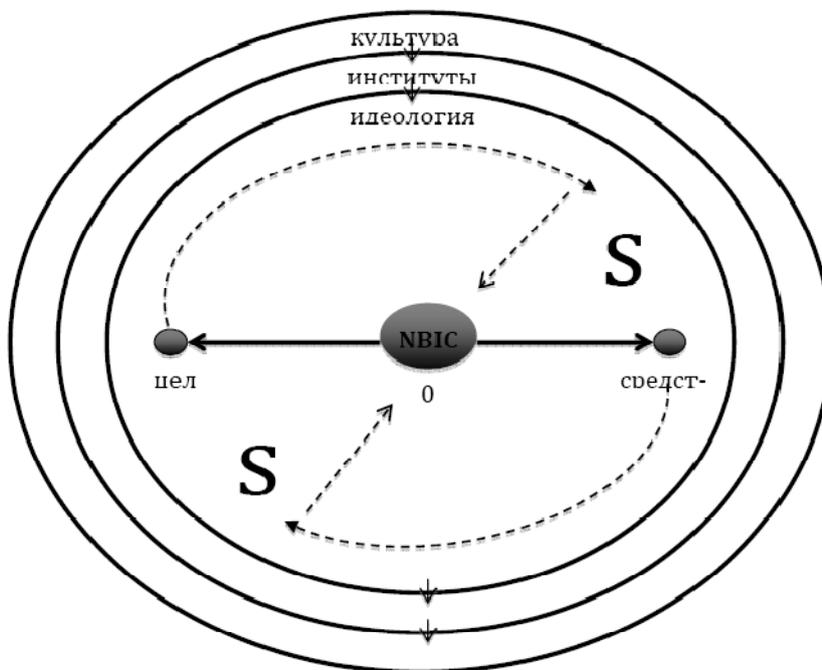

Рис. 3. Социальный контекст развития NBIC-конвергенции (S-аспект)

В итоге, вновь актуализируется аргумент в пользу новой стратификации по-

Далее. Социальная репрезентация те-

мы конвергентных технологий, акцентированная, в первую очередь, *NBIC*-конвергенцией, проявляется как инструментально в отношении идеологически не относящихся к ней институциональных целей, так и в качестве объекта-цели определенного (технократического) вектора социокультурного развития, достигаемого определенными средствами. Следовательно наблюдается четкий социальный аттрактор, в котором изменяется значение проблематики *NBIC*, в границах «цель – средства». Эти границы представляют собой предельные социокультурные значения *NBIC*-конвергенции, что позволяет предполагать между ними и иные, непредельные статусы. Напрашивается вывод о некоем «культурно-квантовом», в первую очередь как бы квантово-неопределенном до формирования идентифицируемых тенденций, современном статусе *NBIC*-проблематики:

1) в идеологии социального развития она может быть использована как инструмент социально-политической борьбы, представляя собой идеологему легитимации властных интересов;

2) как легитимная цель гуманитарного развития, требующая подбора далеко не только научных, но в первую очередь социально-политических и экономических инструментов своего достижения;

3) этап (промежуточное звено) общественного развития. Причем в этом случае *NBIC*-тема может быть амбивалентна крайним значениям 1 и 2.

Речь идет о следующем. В случае превалирования тенденции технократизма и «фетишизации» НТП *NBIC* стремится к переходу из инструментального статуса в объектно-целевой. При тенденции, например, экологического и иных подобных подходов будет укрепляться исключительно оперативно-инструментальный статус. Также инструментальный, но крайне референтный в социальном аспекте, а потому по-прежнему конъюнктурный в целевом отношении, статус конвергентные технологии приобретут по мере и при возможности их перехода в статус *технологий широкого применения* (ТШП) [14], то есть социально-экономической, производственной массо-

визации.

Как нам кажется, по ряду объективных причин (историческая новизна, противоречивость гуманитарного осмысления и аналогичные), *NBIC*-конвергенция сегодня находится в статусе «3», и данная позиция может быть представлена как некая зона бифуркации, сохраняющаяся до более четкого оформления какой-либо из двух магистральных тенденций.

Вероятно именно тут возможна условная аналогия с состоянием «квантовой неопределенности» в ценностно-нормативном пространстве общества до момента воздействия определенно направленной идеологии или, например, сингулярно-подобной техногенной причины. Тогда будет идентифицироваться и тенденция к социокультурно-однозначному статусу *NBIC*-проблематики как идеологемы в определенном хронотопе. Понимание проблемы в хронотопе необходимо по причине сохраняющейся потенциальной социокультурной амбивалентности *NBIC* и в случае нахождения ее в предельных значениях указанного аттрактора, как некоей «центростремительной силы». Эта социальная амбивалентность проявляется и во влиянии самих технико-технологических объектов на трансформацию социокультурной среды. При этом, как в первом, так и во втором случае, и у корыстных политиков, и у восторженных трансгуманистов, и у религиозных фанатиков всегда остается возможность манипулировать подобными темами в своих интересах.

Так к какому же роду социальных атрибутов сейчас относится и будет относиться техника? На фоне существующих характеристик среды динамика представляется следующей. Из своего исторически базового инструментального статуса техника в современном мире перешла в статус ценности, причем ценности терминальной в технократическом обществе. Но очевидна все более развивающаяся тенденция к ее переходу в статус инструментальной ценности, определяющей статус потребителя. Следовательно, технократические тенденции все более будут стимулировать консьюмеристский тип социальной субъектно-

сти, а конвергентные технологии по причине их мощного инструментального потенциала могут существенно ускорить данный процесс и стабилизировать его экспоненциальный характер. В результате технико-технологический прогресс начинает стимулировать социокультурный регресс: наблюдается обратно-пропорциональная зависимость между НТП и уровнем сложности культуры.

Таким образом, основной дисфункцией институциональной системы, носящей в современных социокультурных условиях контекстуальный для развития высоких технологий характер, является ее неспособность удовлетворить запрос социума на воспроизводство социальной структуры ввиду неопределенности контуров данного запроса в условиях антагонизма реальных и декларативных целей общественного развития. Этот процесс можно проиллюстрировать схематически моделью процессуальных нарушений функционирования институтов через внутренний антагонизм механизма их целеполагания (рис. 4).

Рассогласованность процессов реального и официального целеполагания провоцирует политические реформы институциональной организации общества, заключающиеся во властно организованной модернизации ее структурно-функционального содержания, ориентированной на преодоление механизмов традиционной модели ее существования, не отвечающей курсу инновационного развития. Следовательно, процесс модернизации осуществляется не естественно, эволюционно, а принудительно, революционно. Кроме того, процессы модернизации (например, науки и образования) осуществляются в социокультурных национальных пространствах, где нередко отсутствуют реальные процессы инновационного развития, то есть сама институциональная система общества не содержит ценностно-нормативного контекста в виде устойчивых социкодов, который мог бы транслироваться и воспроизводиться в институциональной идеологии [2,3,12,13].

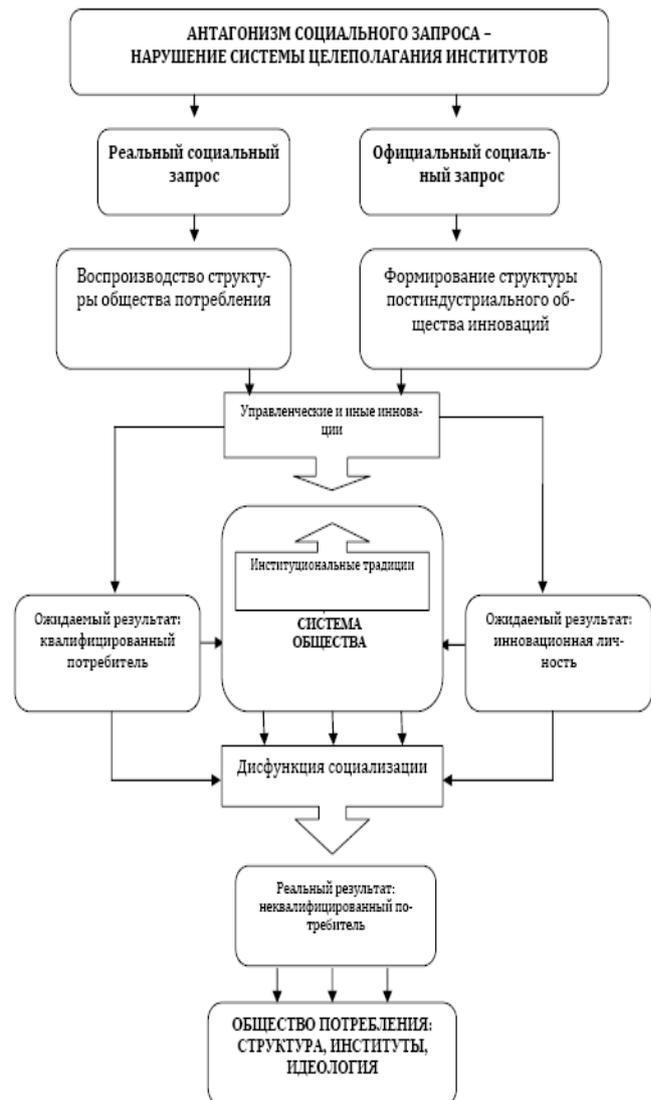

Рис. 4. Процессуальная модель деформаций механизма целеполагания институциональной системы

Указанная ситуация складывается в среде, официально ориентированной на формирование рынка высоких технологий, инновационной и информационной культуры, становление которых невозможны без формирования соответствующей традиции образа жизни населения, воспитания и обучения его новых поколений. В данном случае на социальные институты возлагается задача формирования такой традиции, в то время как сама институциональная среда общества таковой не содержит и сама зависит в ее формировании от общего социокультурного контекста. В итоге иллюстрируется циклический алгоритм, описываемый в модели Ф.Э. Шереги, но не имеющий восходящего развития, как это было

показано упомянутым автором на примере формационной динамики социально-исторического процесса.

Мы полагаем, что в результате самоорганизуются процессы замкнутой детерминации состояния институциональной дисфункции. В этом случае ни внедрение рыночных механизмов оказания образовательных и научных услуг, ни массовость включения населения в информационно-пропагандистский процесс трансляции идеологии технологического прорыва, ни стандартизация механизмов их реализации сообразно формальных, сформированных без учета национальных традиций и адаптированных к ним систем оценки качества продуктивности наукоемкого производства в реальном секторе экономики, не в состоянии разрушить детерминационной связи механизмов пролонгации дисфункционального развития институтов производства/потребления *hi-tech* в социальной и хронологической перспективе.

Литература

1. Буданов В.Г. Методологические принципы синергетики // Новое в синергетике: новая реальность, новые проблемы, новое поколение. Сер. Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / отв. ред. Г. Г. Малинецкий. М.: РАН, 2007. С. 312–322.

2. Гудкова С.А., Джумагалиева Л.Б., Еськов В.М., Карпин В.А. Философия нестабильности И. Р. Пригожина порождает иллюзию нестабильности биосистем // Философия науки. 2014. № 4 (63). С. 99–111.

3. Даниелян В.В., Карпин В.А., Филатов М.А. Постнеклассическая философия как методологическое основание построения современной эволюционной теории // Философия науки. 2013. № 2 (57). С. 82–91.

4. Друкер П. Эффективный руководитель / пер. с англ. О. Чернявской. 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 240 с.

5. Еськов В.В., Еськов В.М., Карпин В.А., Филатов М.А. Синергетика как третья парадигма, или понятие парадигмы в философии и науке // Философия науки. 2011. № 4 (51). С. 126–128.

6. Карпин В.А., Еськов В.М., Филатов М.А., Филатова О.Е. Философские основания теории патологии: проблема причинности в медицине // Философия науки. 2012. № 1 (52).

С. 118–128.

7. Кравчук П.Ф., Боев Е.И., Каменский Е.Г. Формирование инновационного потенциала личности в научно-образовательной среде: монография. Курск: ЮЗГУ, 2012. 175 с.

8. Мясников С.А., Ротмистров А.Н. К измерению политического патернализма: методика и результаты ее применения // СОЦИС. 2014. №5. С.131–135.

9. Николаев М.С. Воспроизводство потребительских социально-культурных практик // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, Вып. 4. С. 23–26.

10. Пойзнер Б., Соснин Э. Русская традиция исправления мира и дизайн социума // Высшее образование в России. 2000. №6. С. 38–44.

11. Ритцер Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.

12. Степин В.С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция). М.: Прогресс – Традиция, 2000. 744 с.

13. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2013. №4. С. 45–59.

14. Фролов Д.П. Институты и технологические изменения: роль технологически связанных институций // Экономические системы. 2014. №2. С. 12–18.

15. Шереги Ф.Э. Гносеологические модели в социологии // СОЦИС. 2014. №11. С.71–82.

16. Dawkins R. The Selfish Gene. New York: Oxford University Press, 1976. 352 p.

17. Durkheim E. The rules of the sociological method. Tr. by W.D. Halls. New York: The Free Press, 1982. 265 p.

18. Haken H. Synergetics as a Bridge and Social Sciences // Evolution, Order and Complexity. London; N.Y.: Routledge, 1996. P. 234–248.

19. Haken H. Synergetics: An Introduction. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: Springer-Verlag, 2012. 408 p.

20. Mainzer K. Interdisciplinarity and innovation dynamics. On convergence of research, technology, economy, and society // Poiesis and Praxis, 2011. 7(4), P. 275-289. doi: 10.1007/s10202-011-0088-8

References

1. Budanov VG. Metodologicheskie printsiipy sinergetiki. Novee v sinergetike: novaya real'nost', novye problemy, novoe pokolenie. Ser. Informatika: neogranichennye vozmozhnosti i

vozmozhnye ogranicheniya. *otv. red. G.G. Malinetskiy*. Moscow: RAN; 2007. Russian.

2. Gudkova SADzhumagalieva LB, Es'kov VM, Karpin VA. *Filosofiya nestabil'nosti I.R. Prigozhina porozhdaet illyuziyu nestabil'nosti biosistem*. *Filosofiya nauki*. 2014;4(63):99-111. Russian.

3. Danielyan VV, Karpin VA, Fila-tov MA. *Postneklasicheskaya filosofiya kak metodologicheskoe osnovanie postroeniya sovremennoy evolyutsionnoy teorii*. *Filosofiya nauki*. 2013;2(57):82-91. Russian.

4. Druker P. *Effektivnyy rukovodi-tel'*. *per. s angl. O. Chernyavskoy*. 4-e izd. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2012. Russian.

5. Es'kov VV, Es'kov VM, Kar-pin VA, Fila-tov MA. *Sinergetika kak tret'ya paradigma, ili ponyatie paradigmy v filosofii i nauke*. *Filosofiya nauki*. 2011;4:126-8. Russian.

6. Karpin VA, Es'kov VM, Fila-tov MA, Fila-tova OE. *Filosofskie osno-vaniya teorii patologii: problema prichin-nosti v meditsine*. *Filosofiya nauki*. 2012;1(52):118-28. Russian.

7. Kravchuk PF, Boev EI, Kamenskiy EG. *Formirovanie innovatsionnogo potentsiala lichnosti v nauchno-obrazovatel'noy srede: monografiya*. Kursk: YuZGU; 2012. Russian.

8. Myasnikov SARotmistrov AN. *K izmereniyu politicheskogo paternalizma: metodika i rezultaty ee primeneniya*. *SOTsIS*. 2014;5:131-5. Russian.

9. Nikolaev MS. *Vosproizvodstvo potrebitel'skikh sotsial'no-kul'turnykh praktik*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2010;10(4):23-6. Russian.

10. Adaykin VA, Dobrynina IYu, Dobrynin YuV, Es'kov VM, Lazarev VV. *Ispol'zovanie metodov teorii khaosa i sinergetiki v sovremennoy klinicheskoy kibernetike*. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal (Irkutsk)*. 2006;66(8):38-41. Russian.

11. Rittser D. *Makdonal'dizatsiya obshchestva*. *per. s angl. A. Lazareva*. Moscow: Praxis; 2011. Russian.

12. Stepin VS. *Teoreticheskoe znaniye (struktura, istoricheskaya evolyutsiya)*. Moscow: Progress – Traditsiya; 2000. Russian.

13. Stepin VS. *Tipy nauchnoy racional'nosti i sinergeticheskaya paradigma*. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika*. 2013;4:45-59. Russian.

14. Frolov DP. *Instituty i tekhnologicheskie izmeneniya: rol' tekhnologicheskikh svyazannykh institutsiy*. *Ekonomicheskie sistemy*. 2014;2:12-8. Russian.

15. Sheregi FE. *Gnoseologicheskie modeli v sotsiologii*. *SOTsIS*. 2014;11:71-82. Russian.

16. Dawkins R. *The Selfish Gene*. New

York: Oxford University Press; 1976.

17. Durkheim E. *The rules of the sociological method*. *Tr. by W.D. Halls*. New York: The Free Press; 1982.

18. Haken H. *Sinergetics as a Bridge and Social Sciences. Evolution, Order and Complexity*. London; N.Y.: Routledge; 1996.

19. Haken H. *Synergetics: An Introduction*. Berlin; Heidelberg; New York; Tokyo: Springer-Verlag; 2012.

20. Mainzer K. *Interdisciplinarity and innovation dynamics. On convergence of research, technology, economy, and society*. *Poiesis and Praxis*. 2011;7(4):275–89. DOI: 10.1007/s10202-011-0088-8